

УДК 811.161.1'33

**СЛОВА *ИМЪНИЕ* И *ЖИВОТЬ*
КАК НАИМЕНОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ**

© **Майоров Александр Петрович**

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: map1955@mail.ru

В статье рассматриваются слова *имъние* и *животь* как ключевые термины, служащие родовыми наименованиями имущества в древнерусском языке XI–XIV вв. Функционирование этих наименований в древнерусских текстах было обусловлено языковой ситуацией диглоссии, в которой использовались два языка — стандартный древнерусский язык, обслуживавший государственные нужды Киевской Руси, и церковнославянский язык, использующийся с религиозно-сакральными функциями. При этом в употреблении слов *имъние* и *животь* прослеживается не только дополнительное функциональное распределение лексем по разным сферам общения, но и семантико-стилистическая дифференциация слов.

Ключевые слова: *имъние*, *животь*, наименования имущества, русский язык XI–XIV вв., диглоссия.

Тема имущественных отношений и имущества традиционно является прерогативой юридических исследований [2; 6; 8; 9; 11]. В лингвистике эта тема, как правило, рассматривалась в рамках категории посессивности, которой были посвящены многочисленные труды. В частности, исследовались эволюция категории посессивности на материале разных языков, история возникновения и развития лексем посессивной семантики, а также появление и влияние на индоевропейские языки новых форм выражения понятия «обладание» (Ш. Балли, Э. Бенвенист, В. И. Топоров), функциональный статус категории притяжательности и категория посессивности как фрагмент языковой картины мира (Р. Лангакер, Зейлер, Е. М. Вольф, А. В. Бондарко), лексико-семантическое поле отношение человека к собственности (С. М. Толстая, Е. Л. Березович, А. А. Едалина) и в истории русского языка, в частности (К.П. Смолина). Однако специальные историко-лингвистические исследования юридических наименований имущества, имущественных отношений и видов вещного права в лингвистике не проводились. Можно назвать лишь отдельные современные работы, в которых эта тема так или иначе затрагивалась [4; 5; 10].

В древнерусском языке, по данным исторических словарей русского языка и других источников, обнаруживается многокомпонентный синонимический ряд наименований имущества: *имъние* — *животь* — *зядьница* — *наслѣдие* — *стажание* — *добро* — *домъ* — *скоть* — *жирь*.

Эти названия уже с разных сторон характеризуют многоликий социальный статус имущества, его полифункциональную сущность: *добро* ‘добро, имущество, пожитки’ [Сл.РЯ XI–XIV, т.2, 480], *животь* ‘имущество, нажитое’ [Сл. РЯ XI–

XIV, т. 3, 258], *жирь*³ ‘богатство, довольство’ [Сл. РЯ XI–XVII, вып. 5, 113], *имѣние* ‘имущество, состояние’ [Сл.РЯ XI–XIV, т.4, 148-149], *скоть* ‘имущество; деньги’ [Сл. РЯ XI–XVII, вып.25. 7], *стяжание* ‘имущество, собственность, богатство; тж. образно’ [Сл. РЯ XI–XVII, вып.28, 230]. Особо следует выделить группу терминов наследственного права — *зядьница* ‘наследство’ [Сл. РЯ XI–XIV, т.3, 300], *беззядьщина* ‘выморочное имение’ [Сл. РЯ XI–XIV, т.1, 118], *беззядьница* ‘имущество, оставшееся после смерти владельца, у которого нет прямых наследников’ [Сл.РЯ XI–XIV, т.1, 118], *домь* ‘имущество, достаток’ [Сл. РЯ XI–XIV, т.3, 50], [подробнее см. Киржаева].

В древнерусском обществе правового понятия имущества еще не существовало; Киевская Русь не знала рецепций римского права, и имущественные отношения регулировались нормами обычного права, т.е. с опорой на обыденное и довольно размытое с современной точки зрения представление о вещном праве. В языке той эпохи номинация имущества в юридическом аспекте, несмотря на относительное разнообразие его характеристик, еще не отражает сложных общественно-экономических отношений, поскольку в ней преобладает «начало личной, материальной власти человека над природой» [8].

Проблема рассмотрения наименований имущества древнерусской эпохи усугубляется тем, что языковая ситуация в Киевской Руси была своеобразной; в ней использовались два языка — стандартный древнерусский язык, обслуживавший государственные нужды Киевской Руси, и церковнославянский язык, использующийся с религиозно-сакральными функциями, что неизбежным образом отражалось на функционировании родовых наименований имущества.

В первую очередь это отражается на различных по происхождению ключевых терминах *животь* и *имѣние*, из которых первое — русское, второе — старославянское (церковнославянское) слово.

Некоторые ученые рассматривают церковнославянские и русские термины как коррелянтные пары при наименовании одного и того же понятия в условиях церковнославянско-русской диглоссии в Киевской Руси [3, с.49-50; 13, 106-107]. Например:

церковнослав.	рус.
<i>законъ</i>	<i>правда</i>
<i>убиство</i>	<i>головщина</i>
<i>рабъ</i>	<i>робъ, холопъ</i>
<i>свѣдѣтель</i>	<i>послухъ</i>
<i>имѣние, стяжание</i>	<i>домъ, животь</i>
<i>наслѣдие</i>	<i>зядьница</i>

³ Слово *жирь* с этим значением встречается только в «Слове о полку Игореве»: Ту немци и венецици, ту греци и морава поють Святославию, кають князя Игоря, иже погрузи **жирь** во дне Каялы реки половецкыя. Рассматривая этот единственный случай употребления, допустимо предположить, что в данном контексте *жирь* обозначает не столько богатство, сколько имущество как совокупность материальных ценностей.

Особо подчеркивается, что сферы употребления генетически разнородных слов распределены так, что русские термины не встречаются в церковнославянских юридических памятниках, а церковнославянские — в русских юридических кодексах [13, с.106].

Следует заметить, что диглосийное распределение рассматриваемых наименований имущества прослеживается шире, не ограничиваясь текстами юридического характера. Наблюдается довольно последовательная дистрибуция употребления слова *животъ* в текстах деловой и бытовой письменности (грамотах, грамотках, уставах, законодательных сводах), а слова *имѣннѣ* — преимущественно в книжно-славянских текстах (канонических священных текстах, житиях, кормчих книгах, летописях, сборниках — прологах, патериках, пчелах и т. п.).

Например, термин *животъ* употребителен в грамотах и уставах:

а се црковныи судъ ... пошибанье умычка промежь мужемъ и женою о **животѣ** въ племени или въ сватьствѣ поимуться (УВлад. сп. сер. XIV в.); — А мнѣ что дал князь великий изъ Олексѣева **живота**, того ми Олексѣю не давати (Моск. Гр. 1350-1351); — Се азъ рабъ бжїи Мосии пишу рукописание при своемъ животѣ а приказываю **животъ** свои дѣтемъ своимъ (Новг.берест.гр №519, кон. XIV).

С другой стороны, слово *имѣннѣ* предпочтительнее в летописях и житиях:

приимъшеи бо власть и **имѣннѣ** отъ княза своего (Изб., 1076); и **имѣннѣ** движимаго же и недвижимаго полагати в залогъ (КР, 1284); сътажаль **имѣннѣ** немало (ЖФП, XII); И розда убогым **имѣннѣ** свое: все золото и серебро и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные, и свое, иже бяше по отци своемъ стажалъ, все розда (Гал.-Вол.лет., XIII), сице даю цркви сеи стѣи от **имѣннѣ** моего и отъ градъ моихъ десатую часть (ЛЛ, 1377).

Наблюдая за употреблением слов *имѣннѣ* и *животъ* в древнерусских текстах, следует согласиться с В.А.Томсиновым в том, что изначальное использование данных слов в разных сферах общения предопределило разницу в значениях лексических единиц. Как справедливо указывает видный специалист в области истории русской юриспруденции, «различия в происхождении и в предназначении между использовавшимися для выражения юридических понятий терминами церковнославянского языка, с одной стороны, и терминами русского языка, с другой, неизбежно влекли за собой существенные расхождения и в их значениях» [11, с.86]. Ученый дискутирует с В. М. Живовым, Б. А. Успенским, а также с Б. О. Унбегауном, который еще в 60-х гг. 20-го века высказывал мнение о том, что церковнославянский язык был исключен из области древнерусского права и судопроизводства [12, с.179], и на примере церковнославянского термина *законъ* и русского *правда* показывает различие в значениях двух слов.

Об изначальном различии в семантике слов *имение* и *животъ* свидетельствует внутренняя форма той и другой лексемы, исторически связанная с признаком, который был положен в основу номинации определенных видов имущества и в той или иной мере сохранился в лексической структуре слова.

Наиболее прозрачна внутренняя форма слова *имение*, в которой семантический признак 'иметь' характеризует имущество как таковое, движимое и недвижимое. Данный семантический признак отражает обобщенное представление имущества у древнерусских людей; абстрактный характер значения слова связан еще с тем, что в церковнославянских текстах семантика слова *имение* интенсивно

насыщалась дополнительными смысловыми коннотациями христианского вероисповедания. Имущество, обозначаемое словом *имение*, понималось как совокупность материальных благ, которыми владеют люди на земле, как символ тленных земных богатств в противоположность духовным ценностям, сосредоточенным в христианской религии. В священных текстах эта антиномия проводится красной нитью: *Не собирайте себе сокровищ на земле, ... но собирайте себе сокровища на небе* (Ев. от Луки); *богатство человеческое именьемъ познается, а вера же нравом его* (Пч., к. XIV); *странень сыи и не озобилень. но нищъ именьемъ. многы же обогатити духовне* (ГБ, XIV).

Глубоко религиозные люди, подвижники христианской веры бегут имения как некоего соблазна: *оставившее мира и яже в мире родителю и чада и имение житииское* (ФСт XIV). Имение расценивается как Божий дар (*богатворное имение*): оно передается по наследству (*понеже изволилъ еси моего имения наследникъ быти* (ЖВИ XIV), но может при этом передаваться в дар церкви (*сице даю церкви сеи святеи Бци от именья моего* (ЛЛ, 1377), в пожертвование (*приведи к жертвеннику волю твою ... и иная именья твоя* (СБУВ XIV), раздаваться убогим (*розда имение убогымъ* XIV) и т.п. Понятие имения, с одной стороны, ассоциируется с изобилием, богатством, преумножением: *бецисленое имение, имение многоценное и неизчетное*, но, с другой стороны, содержит негативную религиозно-этическую оценку имущества: подчеркивается тленность имущества, которым люди владеют в земной жизни (*расточи имение*), его принадлежность несправедливым людям (*имение неправдѣньныхъ*).

В отличие от термина *имение* лексема *животъ* выступает преимущественно в роли юридического названия движимого имущества, принадлежащего, как правило, отдельному лицу. Внутренняя форма слова подсказывает, что в основе слова *животъ*, равно как исторически однокоренного *жиръ*, лежит корень с семой 'жить'. Неслучайно в русском языке XI-XVIII вв. первым и основным у слова *животъ* было значение 'жизнь', с которым живая ассоциативная связь значения имущества, жизненно важного для его владельца, сохраняется. Редкий пример употребления древнерусского слова в одном контексте в обоих значениях, на мой взгляд, подтверждает актуальность этой связи:

Се азъ рабъ бжиі Мосии пишу рукописанию при своемъ животѣ а приказываю **животъ** свои дѣтемъ своимъ (Новг.берест.гр. №519, кон. XIV).

Признак движимого имущества у слова *животъ* хорошо иллюстрируется примерами из древнерусских деловых текстов:

А цо было **живота** твоего то все взяли (Новг.берест.гр., гр.135), а безъ другого коня **животъ** пометаль, а иное розроняль (там же).

Лексическая синтагматика *пометати животъ, взяти животъ* однозначно указывает на возможность перемещать принадлежащие субъекту владения вещи (бросить *пометать*, передать кому-л. и т.п.) — то, что называется *животомъ*.

Таким образом, в системе наименований имущества слова *имение* и *животъ* находятся в привативной оппозиции, в которой слово *животъ* отмечено наличием признака 'движимое имущество', в то время как *имение* служит более обобщенным наименованием имущества — как движимого, так и недвижимого. Однако главное системное противопоставление терминов состоит в том, что оно маркировано стилистически: книжно-славянское слово *имение* — термин хри-

стианской сферы, *животь* — слово профанное, употребительное в памятниках деловой письменности. Собственно, фактор диглоссии предопределил терминологизацию слова *животь* в юридической сфере, предоставлявшей функциональные преференции для восточнославянских лексем в роли юридических терминов и закрытой в этом отношении для церковнославянизмов. Впоследствии сформировавшееся в эпоху Киевской Руси диглоссийное противопоставление наименований имущества *имение* и *животь* сохранится вплоть до семнадцатого столетия. При этом в связи с совершенствованием института права собственности и появлением в имущественной сфере новых юридических понятий семантика термина *животь* будет расширяться.

Литература

1. Виноградова Н. Г. Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке: автореф. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права // http://statehistory.ru/books/Mikhail-Vladimirskiy-Budanov_Obzor-istorii-russkogo-prava/44
3. Живов В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman*. Ed. by M. Halle et al. Columbus, 1988.
4. Карпенко Л. Б. О роли церковнославянской традиции в развитии лексики русского права // Вестник СПбГУ. Сер.9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып.1. С.70-77.
5. Киржаева В. П. Термины наследственного права в договорах русских с греками и Русской Правде: к проблеме функционально-семантических и деривационных отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2014. №5 (24). С. 7–15.
6. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. Лекция XI. Мысль об отчине. С.192-194, Лекция XIV. Недвижимость и личность. С.249-250; Т.2. Курс русской истории. Ч.2. Лекция XXII. Движимое и вотчина. С.31-32, Лекция XXXIII. Поместье и вотчина. С.215-222. М.: Мысль, 1987.
7. Левина Н. Н. Эволюция категории "обладание" в русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007.
8. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Тома I-III. С.-Петербург, Синодальная типография, 1896 г. // <http://detectivebooks.ru/book/20777910/?page=4>
9. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении теории права (Очерки IX-XVII) М.: МГИУ, 2006. — 269 с.
10. Смолина К.П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI-XVII вв. / К. П. Смолина; Отв. ред. В. В. Лопатин; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. — 204 с.
11. Томсинов, В. А. Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV-XVI вв.). Статья третья. [Текст] / В.А. Томсинов // Законодательство. 2005. № 6. С. 85–89.
12. Унбегаун Б. О. Язык русского права // На темы русские и общие: сб. статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк. Издание об-ва друзей русской культуры. 1965. С. 178–184.
13. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Словари и письменные памятники:

- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в десяти томах. Т. I–IV. М.: «Русский язык», 1988.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.5 (*Е — Зинутие*). М.: Изд-во «Наука», 1978.

**Список сокращений, принятых в лексикографических источниках
и в настоящей статье:**

Гал.-Вол.лет. — Галицко-Волынская летопись
ГБ — 16 слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Иракийского
Ев. от Луки — Евангелие от Луки
ЖФП — Житие Феодосия Печерского
ЖВИ XIV — Сборник житий и слов
Изб.1076 — Изборник 1076 года
КР — Кормчая Рязанская 1284 г.
ЛЛ — Лаврентьевская летопись
Моск. Гр. — Московская грамота
Новг.берест.гр. — Новгородские берестяные грамоты
Пч — Древняя русская Пчела по пергаменному списку
СБУв XIV — Сборник XIV в., ГИМ, Увар.
Сл.РЯ XI-XIV — Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)
Сл.РЯ XI-XVII — Словарь русского языка XI-XVII вв.
УВлад сп. сер. XIV в.— Устав князя Владимира Святославича о судах церковных
ФСт XIV — Огласительные поучения Феодора Студита, XIV в.

THE WORDS *ИМѢНИЕ* AND *ЖИВОТЬ* AS THE ITEMS
OF PROPERTY IN THE ANCIENT LANGUAGE

Alexander P. Mayorov
the Doctor of Philology, Professor,
Buryat State University
E-mail: map1955@mail.ru

The article discusses the words *имѣние*, *животь* as key terms that serve as generic items of property in the ancient Russian language of XI-XIV centuries. The functioning of these names in the ancient texts was due to the linguistic situation of diglossia, which used two languages — a standard ancient language that served the public needs of the Kievan Rus, and the Church Slavonic language, used with religious and sacred functions. In the use *имѣние*, *животь* can be traced not only additional functional distribution of lexical items in different spheres of communication, but also the semantic and stylistic differentiation of words.

Keywords: *имѣние*, *животь*, the items of property, Russian language of XI-XIV centuries, diglossia.